

А.П. Валueva

Севастополь и его славное прошлое

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.П. Валуева**
Севастополь и его славное прошлое / А.П. Валуева – М.: Книга по Требованию, 2020. – 191 с.

ISBN 978-5-458-55526-5

Книга написана к 50-ти летию Крымской войны, когда ещё были живы некоторые участники обороны Севастополя. Хорошо, интересно и доступным языком описан ход 349-ти дневной героической обороны Севастополя. Приведены интересные факты не только боевой, но и повседневной жизни защитников города, взаимоотношения защитников города с французскими солдатами.

ISBN 978-5-458-55526-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Иди въ градъ сей, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу, пади тамъ ницъ—мѣсто бо сіе свято есть!»

Инокентій.—Изъ рѣчи къ войскамъ. 1855 г. 29 іюня.

Трудно выразить то скорбно-благоговѣйное чувство, которое охватываетъ каждого истинно-русскаго человѣка при вѣздѣ въ Севастополь. Кажется, будто приближаешься къ могилѣ кого-то близкаго, любимаго, кого оплакиваешь и къмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордишься...

Помню тотъ ясный лѣтній вечеръ, когда судьба впервые закинула меня въ этотъ многострадальный городъ. Это было въ 1883 году, слѣдовательно 28 лѣтъ спустя послѣ знаменитой осады Севастополя. Несмотря на эти долгіе годы, городъ стоялъ еще на три четверти въ развалинахъ, какъ будто враги только лишь вчера прекратили свою безпощадную по немъ бомбардировку. Среди остатковъ строеній, изъ которыхъ многія носили еще слѣды прежней красоты и изящества,—не даромъ же считался Севастополь столицею черноморскаго побережья, однимъ изъ лучшихъ русскихъ городовъ,—ютились заурядные провинціальныя домики современныхъ владѣльцевъ, по большей части разоренныхъ осадой. Величественныя развалины Морской библіотеки, Петропавловская церковь съ ея классическою колоннадою, обветшавшая, но все-таки прелестная Графъ-

ская пристань,—всѣ эти остатки блестящаго прошлаго навѣвали на душу невыразимо-грустное чувство.

А «равнодушная природа» продолжала «сіять вѣчною красою». Дивно-прекрасное, лазурное море, глубоко врѣзывающееся въ севастопольскіе берега, имѣло такой же торжествующій видъ, какъ и въ тѣ времена, когда на волнахъ его гордо раскачивался нашъ славный, горько оплаканный, нынѣ возродившійся черноморскій флотъ; южное солнце заливало своими лучами бѣдный, полуразрушенный городъ такъ же щедро и любовно, какъ и во дни Корнилова, Нахимова и Лазарева.

Старый матросъ, современникъ Крымской кампаніи, перевезъ меня на яликѣ на Сѣверную сторону, къ Братскому кладбищу.

Обращаясь съ напутственнымъ словомъ къ войскамъ, идущимъ на защиту Севастополя, 29 іюня 1855 года знаменитый русскій повѣдникъ Иннокентій сказалъ:

«Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда; нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: оставь отца, мать твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по мнѣ! Впредь, поучая паству свою, мнѣ не надо искать далеко примѣровъ добродѣтели; я скажу ей: иди въ градъ сей и поучись у перваго встрѣчнаго изъ братій твоихъ, защитниковъ вѣры и мѣстъ, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу... пади тамъ ницъ—мѣсто бо сіе свято есть».

Такъ вотъ кѣмъ населено Братское кладбище, и такихъ героевъ тамъ лежитъ до 100,000. Подъ каждымъ изъ высокихъ могильныхъ крестовъ, съ краткою, но многозначительною надписью «Братская могила», покоятся десятки, сотни борцовъ, павшихъ за вѣру, царя и отечество. А съ ними вмѣстѣ сколько тутъ погребено свѣтлыхъ надеждъ, сколько любви и счастья! Кажется, если-бъ собрать всѣ горькія слезы женъ, сестеръ, матерей, лившіяся тогда по лицу земли русской, затопили бы онѣ эту широкую равнину съ ея безчисленными могильными крестами.

Какое же могучее чувство заставляло лучшихъ русскихъ людей того времени бросать домъ и семью и идти на тяжкіе труды, лишения, страданія и въ концѣ концовъ почти на вѣрную смерть? «Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія», говоритъ Левъ Толстой въ своихъ севастопольскихъ разсказахъ. «Должна быть другая высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго,—любовь къ родинѣ».

Во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательно проходитъ исторія классическаго міра. Каждому ученику извѣстны имена и подвиги Леонида спартанскаго, Ганнибала, Мушія Сцеволы, Гораша Коклеса и другихъ героев древности. Подобные примѣры благороднаго патріотизма возвышаютъ духъ юношества, развиваютъ въ немъ любовь къ родинѣ и готовность самоотверженно служить ей.

Но не за 2,000 лѣтъ до нашего времени, а всего лишь полвѣка тому назадъ, и не въ чуждыхъ намъ Греціи и Римѣ, а въ предѣлахъ нашей собственной родины происходила эпопея, ничѣмъ не уступающая персидскимъ и пуническимъ войнамъ. Эта русская эпопея—осада Севастополя, а героемъ ея является весь русскій народъ. И русское юношество, увлекаясь героическимъ періодомъ древности, отдавая должное его славнымъ дѣятелямъ, обязано знать и цѣнить имена своихъ родныхъ героев: Корнилова, Нахимова, Тотлебена, Истомина, и событія того труднаго, но славнаго времени, которое еще свѣжо въ воспоминаніи его отцовъ. Какъ не знать ему о первыхъ временахъ осады Севастополя, «когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ, не было физической возможности удержать его, и всетаки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся не пріятелю», о временахъ, «когда этотъ герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: «умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя», и наши русскіе, не

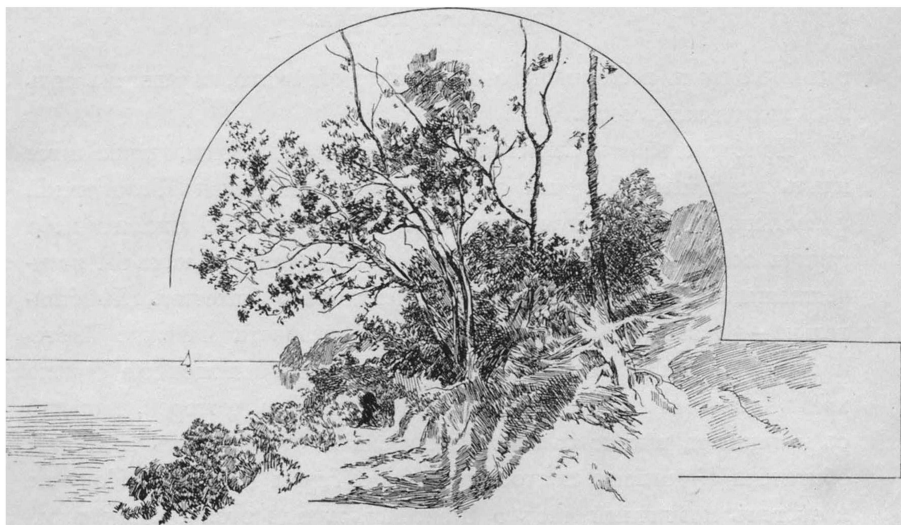
способные къ фразерству, отвѣчали: «умремъ! ура!..» Какъ не цѣнить героевъ, «которые въ тѣ тяжелыя времена не падали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти не за городъ, а за родину!..» ¹⁾

Итакъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и горячей любви къ отечеству откроемъ эту знаменательную страницу русской исторіи и познакоимся какъ съ событіями незабвенной обороны Севастополя, такъ и съ тѣми мѣстами, гдѣ они происходили.

---

¹⁾ Гр. Толстой.—«Севастополь 1854—1855 года».

Мысь Фиолентъ.

I.

Стародавнія времена.

Времена классической древности.—Ифигенія Таврическая.—Греческія колоніи.—
Херсонесъ и его исторія.

На юго-западной оконечности Крыма, на скалистыхъ, известковыхъ берегахъ чудной бухты, по величинѣ и удобствамъ считающейся первою въ Европѣ и третьею въ мірѣ, раскинулся большой, красивый городъ, которому суждено было играть такую знаменательную роль въ исторіи нашей родины. Городъ этотъ—Севастополь.

Исторія мѣстности, занимаемой Севастополемъ и его окрестностями: Херсонесомъ, Георгіевскимъ монастыремъ, Инкерманомъ и Балаклагою, теряется въ туманѣ глубокой старины. Благодатные берега Крыма, съ ихъ мягкимъ, ласкающимъ климатомъ, съ неисчерпаемыми богатствами ихъ роскошной природы, являются единствен-

нымъ уголкумъ всего нашего обширнаго отечества, игравшимъ роль въ классическомъ мірѣ.

Приближаясь къ Севастополю моремъ, отъ Ялты, приходится плыть мимо мыса Фіолента, при которомъ расположенъ Георгіевскій монастырь. Ясно обрисовывается на темной лазури южнаго неба группа остроконечныхъ, дикихъ скалъ, образующихъ какъ-бы величественный жертвенникъ какого-то невѣдомаго божества. Дѣйствительно—на этомъ мысѣ, носившемъ въ древности названіе Парте-ніума, возвышался, по преданію, окруженный священной рощею храмъ дѣвственной богини Артемиды (Діаны), которой, наравнѣ съ изящными, высоко-культурными греками, поклонялись и древніе обитатели Крымскаго полуострова, дикіе Тавры (скиѣы). Кому не извѣстенъ поэтичный мифъ о Ифигеніи, жрицѣ этой богини, вдохновившій столько писателей разныхъ временъ и народовъ, начиная съ знаменитаго греческаго трагика Эврипида и кончая царемъ нѣмецкой литературы—Гёте?

Когда греки отправлялись подъ Трою и готовы были уже пуститься въ путь изъ Беотійской гавани Авлиды, предводитель ихъ Агамемнонъ, царь Микенскій, оскорбилъ Артемиду, убивъ на охотѣ посвященную ей лань. За это богиня наслала безвѣтріе, и флотъ грековъ не могъ двинуться въ путь. Прорицатель Калхасъ объявилъ, что богиня можетъ быть умиловлена только принесеніемъ ей въ жертву старшей дочери царя, чистой и непорочной красавицы Ифигеніи,—и Агамемнонъ рѣшился пожертвовать любимую дочь для блага отечества. Она была вытребована въ лагерь вмѣстѣ съ матерью своею Клитемнестрою подъ предлогомъ обрученія съ Ахилломъ. Когда она прибыла туда, и все уже было готово для жертвоприношенія, Артемидѣ сжалилась надъ нею, покрыла ее густымъ облакомъ и перенесла чрезъ горы и моря въ далекую Тавриду ¹⁾, въ священную рощу, окружавшую храмъ, воздвигнутый богинѣ на

---

¹⁾ Древнее названіе Крыма.

скалистомъ берегу обитателями этой страны, дикими и суровыми таврами. Король тавровъ Тоась милостиво принять таинственно появившуюся въ его владѣніяхъ чужеземку и она стала жрицею Діаны. По существовавшему въ Тавридѣ обычаю, всѣ попадавшіе случайно или умышленно въ эту страну чужеземцы были приносимы въ жертву богинѣ. Варварскій обычай этотъ возмущалъ благородную гречанку; она вступила съ нимъ въ борьбу и, благодаря тому безграничному довѣрію и уваженію, которое счумѣла пріобрѣсти у царя и всего народа, вышла побѣдительницею изъ этой борьбы: человѣческая кровь перестала обагрять алтарь дѣвственной богини; нравы тавровъ смягчились; Ифигенія сдѣлалась благодѣтельницею всего края. Но царь Тоась, очарованный прекрасною душою и тѣломъ дѣвушкою, возымѣлъ къ ней чувство, сильнѣе обыкновеннаго уваженія, и предложилъ ей стать его женою. Ужасомъ и горемъ исполнило это предложеніе сердце Ифигеніи: не могла она свыкнуться съ пріютившею ее дикою, хотя и гостепріимною для нея странною, не могла забыть лазурнаго моря, бѣломраморныхъ храмовъ, шумныхъ и оживленныхъ площадей своей родины, всей душою рвалась она къ роднымъ мѣстамъ, къ близкимъ людямъ и жила только надеждою рано или поздно возвратиться къ нимъ. Ставъ женою Тоаса, царицею тавровъ, она должна была-бы сказать навѣкъ прости завѣтному желанію, любимой мечтѣ всей своей жизни, — и она отклонила предложеніе царя подъ тѣмъ предлогомъ, что неудобно ей, жрицѣ Артемиды, измѣнить своему высокому призванію, хотя-бы и для царскаго вѣнца. Оскорбленный и разгнѣванный царь отшатнулся тогда отъ нея и перенесъ свой гнѣвъ на всѣ добрыя начинанія Ифигеніи. Человѣческія жертвоприношенія, отмѣненные въ угоду ей, были снова восстановлены, и совершать ихъ должна была сама она, главная жрица богини.

Въ это-то скорбное для Ифигеніи время, приводятъ къ ней двухъ молодыхъ чужестранцевъ, захваченныхъ на заповѣдномъ берегу и обреченныхъ на смерть, — и что-же? — Въ нихъ узнаетъ Ифи-

генія единственнаго своего брата Ореста и неизмѣннаго друга его Пилада. Неумолимый рокъ занесъ этихъ юношей къ дикимъ таврамя. Страшное преступленіе тяготѣло надъ Орестомъ, принадлежавшимъ къ злополучному роду Тантала, въ которомъ въ теченіе пяти поколѣній (Танталъ, Пелопсъ, Оіестъ и Атрей, Агамемнонъ и Орестъ) возникали другъ изъ друга самыя ужасныя злодѣянія. Одно убійство роковымъ образомъ вызывало другое, и кровь омывалась кровью. Агамемнонъ былъ убитъ своею женою Клитемнестрою, мстившей ему за предполагаемое принесеніе въ жертву дочери ихъ Ифигеніи; за смерть Агамемнона отмстилъ Орестъ, убивъ собственную мать. Въ наказаніе за это боги отдали его во власть мрачнымъ исчадіямъ преисподней—Фуріямъ, которыя день и ночь терзали больную душу несчастнаго юноши, доводя его до изступленія. Сжалившись надъ нимъ, Аполлонъ обѣщалъ ему прощеніе, если онъ «съ далекихъ береговъ Тавриды привезетъ ему сестру».—Діана или Артемида считалась сестрою Аполлона; грекамъ было извѣстно, что въ Тавридѣ, при мысѣ Партеніумѣ воздвигнуть ей храмъ; и вотъ Орестъ рѣшается на безумно отважное предпріятіе:—отправиться въ Тавриду и похитить священное изваяніе богини. Его сопровождаютъ другъ его Пиладъ, идущій съ нимъ на вѣрную гибель.

Безгранична была радость, но велико и смущеніе Ифигеніи, когда, изъ разсказа Пилада, она узнала, что за чужеземцы находились передъ нею. Могла-ли она занести ножъ надъ любимымъ братомъ? Но, съ другой стороны, могла-ли, для спасенія этого брата, содѣйствовать ему въ похищеніи ввѣреннаго ей священнаго изваянія? Могла-ли она, честная и правдивая, недостойнымъ образомъ обмануть облагодѣтельствовавшаго ее царя? Любовь къ брату и страстное желаніе вернуться на родину настолько сильно охватываютъ ее, что она поддается увѣщаніямъ Пилада и соглашается на обманъ и бѣгство; но въ послѣднюю минуту предъ приведеніемъ въ исполненіе этого замысла, благородная натура ея одерживаетъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами и побужденіями; она открывается

во всемъ царю, взывая къ его великодушію, и растроганный, побѣжденный ея духовною силою тавръ даруетъ свободу обоимъ друзьямъ, отпуская съ ними въ Грешію и саму Ифигенію. Тогда только понимаетъ Орестъ, какую именно «сестру» повелѣлъ ему вывезти изъ Тавриды Аполлонъ. Испѣлившійся отъ тяжелаго душевнаго недуга, счастливый возвращается онъ съ Ифигеніею на родину, гдѣ послѣдняя остается до конца жизни вѣрною жрицею Діаны.

Такъ передаетъ Гёте этотъ трогательный миѳъ въ своей «Ифигеніи въ Тавридѣ». Обаятельный образъ чистой, правдивой, любящей гречанки какъ-бы витаетъ надъ скалистыми юго-западными берегами Крыма, надъ этимъ православнымъ монастыремъ, возникшимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности проливалась человѣческая кровь на алтаряхъ языческой богини.

«На той скалѣ Діаны храмъ
«Хранила дѣвственная жрица,
«А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
«Плыла богини колесница...» ¹⁾

Мы видимъ такимъ образомъ, что историческія воспоминанія Крыма восходятъ до временъ Троянской войны. Но еще ранѣе, задолго до начала мореплаванія у грековъ по Черному морю, или такъ называемому Понту Эвксинскому, ходили финикіяне, привлеченные молвою о золотыхъ розсыпяхъ и другихъ богатствахъ далекихъ, баснословныхъ восточныхъ странъ. Вслѣдъ за ними и греческіе мореплаватели начали заводить торговыя сношенія съ разноплеменными народами, заселявшими побережье Чернаго моря, и основывали на этомъ побережьи цвѣтущія колоніи. Такъ возникла на сѣверо-восточной оконечности Крыма Пантикапея (современная Керчь), гдѣ въ I вѣкѣ до Р. Х. царствовалъ знаменитый Митри-

---

¹⁾ Гр. Алексѣй Толстой.—Крымскіе очерки.

дать. Почти одновременно съ Пантикапсею возникла и другая греческая колонія на противоположной, юго-западной оконечности Крыма, въ двухъ верстахъ отъ современнаго Севастополя. Колонія эта носила названіе Херсонеса Таврическаго; въ русской-же исторіи она извѣстна подъ именемъ Корсуни, откуда, по выраженію Иннокентія, впервые разлилось православіе на родину нашу: въ стѣнахъ этого города принялъ крещеніе равноапостольный князь Владиміръ, а за нимъ крестилась и вся Русь.

Древній Херсонесъ занималъ небольшой мысъ верстахъ въ 2—3-хъ къ юго-западу отъ нынѣшняго Севастополя. Онъ былъ окруженъ стѣнами, имѣлъ акрополь и множество храмовъ. Чтобы оградить себя отъ воинственнаго племени скифовъ, обитавшаго въ древности степи южной Россіи, и другихъ нежелательныхъ гостей, жители Херсонеса воздвигли каменную стѣну, около 8 верстъ длиною отъ «Гавани Символовъ» (Палакіона)—нынѣшней Балаклавы, до Ктенунта — Севастопольскаго залива. Херсониты занимались земледѣліемъ, винодѣліемъ и солевареніемъ на соляномъ озерѣ близъ Ктенунта; они вели торговлю какъ съ греческими городами и колоніями, такъ и съ сосѣдними варварскими племенами — скивами и таврами. Кромѣ того, древній Херсонесъ служилъ образовательнымъ центромъ; древніе цари посылали сюда на воспитаніе своихъ дѣтей.

Христіанство утвердилось въ Херсонесѣ при Константинѣ Великомъ. Существуетъ преданіе, что около половины I вѣка по Р. Х. городъ этотъ посѣтилъ св. Андрей Первозванный и божественною проповѣдью своею обратилъ въ христіанство многихъ грековъ-язычниковъ. Лѣтъ 30—40 спустя, сосланный въ заточеніе императоромъ римскимъ Траяномъ св. Климентъ, основавшій впослѣдствіи Инкерманскую киновію (общежитіе), нашелъ здѣсь уже болѣе 2.000 христіанъ и нѣсколько церквей. Есть основаніе думать, что въ Корсуни, этомъ центрѣ образованія того времени, найдены были начатки св. Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ знаменитыми солунскими братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ.